

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

«КУПЕЧЕСКИЙ СТИЛЬ» (ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МОДЕ В СРЕДЕ УРАЛЬСКОГО КУПЕЧЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)

Е.В. Банникова

Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, Оренбург, Россия, 460844

Статья посвящена анализу внешнего облика представителей купеческого сословия трех губерний Урала — Вятской, Пермской и Оренбургской — в дореформенный период. На основе различных групп источников исследуется соотношение традиционных представлений о моде и новых веяний в повседневном купеческом быту. Выясняется роль костюма в формировании социального облика уральского купечества.

История повседневности — отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и профессиональных контекстах. В современной российской исторической науке это направление находится пока в стадии своего становления. Исследователи в основном обращались к проблеме менталитета либо субкультуры какой-либо социальной группы, используя в своих работах методы смежных наук — психологии, культурологии, социологии. В таком аспекте купеческая субкультура дореформенной России неоднократно становилась предметом изучения историков (1).

Однако купечество Урала становилось в этом плане объектом исследования сравнительно редко, что, как правило, было связано с отсутствием или малой доступностью источников, в которых бы освещались поставленные вопросы. Наиболее значительными публикациями по данной теме являются работы Е.Ю. Апкаримовой, С.В. Голиковой и Н.А. Миненко, в том числе их коллективная монография (2), а также исследования А.А. Белика (3). Однако и в них традиции и новшества в купеческой моде были лишь одним из объектов исследования. В связи с этим, на наш взгляд, анализ внешнего облика, стиля уральского купечества в дореформенный период является весьма перспективным. Поскольку то, как человек выглядит, является отражением его внутреннего состояния, подобные изыскания способны приблизить понимание сословных и индивидуальных ценностей торгового сословия Урала, его мироощущения, а также осознания им собственного места в окружающем мире.

Базой для данного исследования могут служить, преимущественно, нарративные источники различного происхождения. Среди них выделяются, прежде всего, эго-документы — биографии, мемуары, дневники и письма. Именно они позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, определить, что отличает его от жизни и поведения других людей, находящихся в тех же обстоятельствах. Необходимая информация может быть также почерпнута и из литературных художественных произведений. Истории-повествованию как пересказу репрезентативных источников историк повседневности, в данном случае, противопоставляет метод вчитывания в текст, размышлений об обстоятельствах высказывания, запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося.

К примеру, статистико-экономические описания различных регионов России, осуществляемые в первой половине XIX в. офицерами Генерального штаба, иногда сохраняли их яркие впечатления от увиденного, отражающие специфику того или иного региона. Путешественники, чиновники, сами купцы в своих записках также фиксировали ситуацию, складывающуюся в купеческой среде на Урале. В архивах отложился довольно интересный, но, к сожалению, разрозненный материал, проливающий свет на повседневную жизнь уральского купечества. К делам подобного рода можно отнести, например, описи купеческого имущества.

Единообразие в образе и поведении данной социальной группы обусловливалось рядом обстоятельств. Профессиональная деятельность и все, что было с ней связано, регламентировалась гильдейскими институтами, которые должны были «структурировать хозяйственное поведение и взаимодействие предпринимателей и тем самым уменьшать количество возможных вариантов действий, с которым сталкивались владельцы промышленных и торговых предприятий в конкретных социально-экономических и политических условиях России» (4). Представления о моральных и этических ценностях, нормативах поведения, формирующиеся в купеческой среде, также должны были определять, что именно надлежит делать при тех или иных обстоятельствах. В результате происходило соединение «социальных систем с глубинными слоями личностных структур ее членов и с культурной системой, которая легитимизирует и ... ориентирует действия членов социальной системы» (5).

Часть городского населения, профессионально занимающаяся торговлей, в итоге самоидентифицировала себя как особое, уникальное сообщество. Особенности купечества, связанные со степенью образованности данной группы населения, необходимыми в данной среде навыками и умениями, специфической настроенностью, своеобразием поведения, внутрисемейных отношений, дали возможность говорить о собственной культуре этой социальной группы — купеческой субкультуре — комплексе убеждений, ценностей, норм, образцов поведения, отличающих данное сообщество. Отличительными чертами субкультур являются «стили», которые характеризуют глубину вхождения в субкультуру, устанавливают границы социальной группы, отделяя ее от других групп, и определяются

тремя основными элементами: 1) образом — элементами костюма, прической, косметикой, бижутерией; 2) манерой поведения — экспрессией, мимикой, пантомимикой, походкой; 3) сленгом — специфическим словарем и его использованием.

Современники, оценивая «купеческий стиль» или образ нарождающейся российской буржуазии, были, как правило, настроены критично, а иногда даже откровенно негативно. Так, П. Берлин в статье, посвященной образу буржуазии в отечественной литературе, отмечал: «Русская художественная литература, изображая буржуазию, охотно останавливалась на невежестве, самодурстве и жуликоватости ее представителей, словом — на ее личных и семейных пороках» (6). Далее, цитируя Г. Успенского, Берлин еще более жестко клеймил отечественное купечество-буржуазию за то, что эта сословная группа, «мгновенно вознесшаяся на недостижимую высоту, в миллионы раз превышающую доступные ей пониманию размеры желаний, никогда не думавшая ни о чем «общественном», опустошенная нравственно в отношении к недавнему прошлому, опустошенная умственно в отношении к будущему, а в настоящем поставленная исключительно в самое благоприятнейшее положение — живи в свое удовольствие — увы! — ничего не могла изобрести ни по части широты размаха, ни по части прихотливости, ни, тем менее, по части изящества» (7).

Неужели действительно все было так печально и мрачно, купечество действительно было тем «темным царством», о котором так часто писали отечественные литераторы, и эта «темнота» проявляла себя абсолютно во всем, в том числе и во внешнем облике представителей торгового сословия?

По словам мемуариста, дореформенное купечество «почти все придерживалось старины, даже в одежде. Петр Ионович Губонин, которого знала не только вся Россия, но и вся финансовая Европа, строитель самых больших железных дорог в России, статский советник, никогда не носил, даже представляясь государю, другого костюма, как длиннополый купеческий кафтан, что, кстати сказать, придавало ему какое-то спокойное достоинство, составлявшее приятный контраст с теми его прихлебателями, которые были всегда одеты по последней моде и от самых дорогих портных...» (8). Торговцы, скупщики, откупщики, деятельность которых была связана с деревней, по воспоминаниям современников, обычно носили одежду русского крестьянского типа, но сшитую из более дорогой, чем крестьянская, материи. В отличие от крестьян, они обувались в сапоги, а некоторые добавляли к своему костюму жилетки, картузы и другие предметы городского костюма, но не одевались по моде. Даже купцы-щеголи, заказывая модный сюртук, «пускали его подлинней», потому что, по народным понятиям, «куцая» одежда смешна, а долгополая придает степенность и достоинство (9). Купцы, исполняющие обязанности каких-либо администраторов — городской голова, бургомистр и ратманы, а также заседатели судов — имели право носить мундиры тех ведомств, по линии которых они служили (Министерства внутренних дел, Министерства юстиции) (10).

Летом купцы носили короткую поддевку из тонкого сукна или полубархата с отрезной спинкой и со сборами позади, которая сочеталась с жилетом, белым галстуком, плисовыми шароварами, заправленными в смазанные сапоги, и шля-

пой. Вместо поддевки верхней одеждой часто служили суконные сюртуки разнообразного покроя. Их носили с панталонами или шароварами (плисовыми, суконными, нанковыми) и с ситцевой рубахой. В зимнее время на торги ездили в простых полушубках или в «смурых», то есть крытых толстым сукном (11). Перечисленные вещи неоднократно упоминаются в описях имущества умерших купцов. Так, например, у уфимского купца Ивана Андреевича Подьячева имелись: две шубы на лисьем меху и бекеша на волчьем меху, крытые сукном, бархатный жилет, серый сюртук из «аглицкого сукна» и плисовые черные панталонны» (12).

Одежда старообрядцев при этом резко отличалась от одежды общей массы населения. Они предпочитали носить черные или синие, отрезные в талии кафтаны со сборами сзади, бороды, длинные, почти до плеч, волосы. Принятые в эти годы шейные платки старообрядцы носить отказывались, почитая это делом греховным (13). И. Дм. Сытин, вспоминая об одном из своих знакомых — крупнейшем нижегородском хлеботорговце второй половины XIX в. Н.А. Бугрове, приверженце беглопоповства, — писал: «Одевался [он — Е.Б.] незаметно, как одевались в старину провинциальные купцы: длинный черный сюртук, высокие сапоги с голенищами, на голове картуз или шапка. Полный, коренастый, выше среднего роста, пострижен по-мужицки, волосы до ушей и прямой пробор посредине» (14).

П. Вистенгоф в очерке, посвященном дореформенному купечеству, писал: «Три рода купцов в Москве: один носит бороду, другой ее бреет, а третий только подстригает (...) Жена ходит по-русскому в платке, когда муж с бородою, и в чепце или в шляпке, когда муж бороду бреет или даже и тогда, когда он ее только подстригает» (15). Приблизительно то же в отношении столичного купечества было написано и в книге «Москва в ее прошлом и настоящем». О купеческих женах говорилось, что они «не щадят белил и румян для того, чтобы приправить личико (...) Оне большею частию дамы полновесныя, с лицами круглыми, белосиними; у них руки толстыя, ноги жирныя, губы пухлыя, зубы черныя» (16).

В то же время, в первой половине XIX в., во внешнем облике российского купечества стали происходить довольно значительные перемены, отмечаемые целым рядом авторов. В отношении крупного купечества Санкт-Петербурга в 1830-е гг. утверждалось: «Национальность и старина, удержавшие свой добрый характер, но одетые и украшенные почти всем, что новейшая общежитийность ввела во вкусы, проявляются здесь на каждом шагу» (17). Другой исследователь повседневного городского быта, Е.А. Авдеева, писала: «Теперь во многих купеческих домах женщины и девицы оставили *Русскую* и *Немецкую* одежду: одеваются, как и везде, в длинные платья, носят шляпки и чепчики; (...) Мужчины одеваются в Русское платье, оставляют бороду, волосы обстригают в кружок, только и тут есть нововведение: некоторые носят галстуки и подстригают немного бороду, и весьма редко встретите старинную стрижку Русскую, то есть темя выстриженное с опущенными по краям волосами» (18). Однако А.Н. Островский, в свою очередь, замечал, что, несмотря на то, что эти купцы «спешили сблизиться с Европой, переняли европейскую моду, домашнюю обстановку, привычки и обычаи», однако

«такие семейства не составляли большинства из всего купечества». Если и возникало такое впечатление, то только потому, что показное поведение делало их заметнее на фоне всех российских предпринимателей (19).

Был и еще один момент, заставляющий купечество с осторожностью относиться к европеизированной манере одеваться. После петровской реформы гражданской одежды поверхностно воспринятая через моду европейская цивилизация, сменившая тесные рамки традиционного уклада, требовавшего хотя бы внешнего соблюдения принятых норм, привела российское дворянство к определенной распушенности нравов и пренебрежению ко всему русскому. Знакомство аристократии с западной культурой чаще всего было неглубоким и случайным. Отсутствие широкого кругозора и внутренней подготовки приводило к тому, что усваивалось больше дурное, чем хорошее. Расточительство и мотовство стали качествами, необходимыми для дворян, желавших иметь «успех в обществе» (20). Указанное обстоятельство делало дворянский европейский стиль одежды довольно опасным для представителей купечества. Хотя купеческая верхушка крупных торгово-промышленных городских центров, несмотря ни на что, стремилась хотя бы внешне, хотя бы в чем-то быть похожей на представителей высших сословий.

Н.С. Попов, автор «Хозяйственного описания Пермской губернии», уже в начале века также отмечал эти перемены: «...имея случай видеть часто особ, имеющих содействие в счастье многих людей, обращаясь с искусными и просвещенными людьми разных званий, некоторые [купцы — Е.Б.] в течение 20 лет как бы переродились, перенявши во всем лучший вкус и нравы благовоспитанных граждан, но сквозь сию наружность выказывали отчасти и коренные свои нравы» (21).

Одежде купцов автор уделил несколько страниц, приводя подробное описание женских и мужских костюмов, причесок и украшений. Он делил торговцев на две категории — тех, кто одевается в «платье Немецкое», и тех, кто носит «Русскую одежду». Первые «бреют бороды, а некоторые и причесываются, и надевают на себя, особливо служащие, мундиры и фраки...». Они стригут волосы «в кружок», носят сюртуки с камзолами или жилетами. Летом поверх надевают плащи или шинели с круглой или треугольной шляпой, а зимой — бекешы, крытые меховые тулупы и круглые шапки, у которых «бархатное, плисовое или суконное верховище и широкий околыш» из меха. Самые «онемеченные» носят на ногах «башмаки с шелковыми чулками и серебряными пряжками», а большинство — сапоги.

Жены и дочери этих купцов очень редко «одеваются в длинное платье с прическою, но все более употребляют короткое из кофты и юбки состоящее, шелковое, иногда парчовое, бархатное и всякое бумажное платье с мантилиею или салопом», на плечи набрасывают платок или шаль, а на голову надевают большие парчовые или шелковые, расшитые серебром и золотом платки. Очень подробно описывались Поповым и излюбленные украшения дам купеческого сословия. Купчихи из «богатейших» или «старинных» домов надевают на шею жемчужные нит-

ки, «склаважи» и бусы из аметистов, аквамаринов, янтаря, а в уши вдевают серьги «из тех же или других цветных камней». На руках у них обычно красовались «в немалом числе» перстни (22).

Однако, по словам Попова, большая часть купцов по-прежнему отдавала предпочтение «Русскому платью». Из них некоторые «бреют бороду и надевают на шею галстуки, состоящие из платков; другие, оставляя бороду в природном виде, отличаются только рубашками с прямым воротником или Немецким, ни чем однакож шей не повязывая, как, например, в г. Кунгуре; все же сии волосы стригут в кружок. Однакож больше таких, кои одеваются в настоящее Русское платье, которое многие употребляют только потому, что изстари к тому привыкли, а другие, особливо раскольники, брить бороду и носить Немецкое платье считают за нарушение своего исповедания; почему, одеваясь в Русское платье и храня свою бороду, думают, что они точнее оно во всем исполнители; но волосы по большей части они обстригают под гребенку, оставляя только кругом головы висящими редко и в кружок обрезанными» (23).

Сторонники «русского стиля» в одежде предпочитали цветного сукна кафтаны «со сборами», украшенные вместо пуговиц гарусными или шелковыми «плетенками», продетыми сквозь серебряные «схватцы», под которые надевали камзол и суконную рубашку. Купцы — приверженцы раскола носили «полукафтанье», рубашки (холщовые, из красной пестряди или шелка) с косым воротом, обложенным шелковым или золотым шнурком, и «портки» из холста или пестряди.

Женщины в семьях таких купцов носили уже описанное выше «короткое» платье, иногда надевая вместо кофты душегреи и шугаи, вместо юбки — сарафаны, а вместо платков на голову — «шамшурь». Именно так одевались купчихи в Кунгуре, Соликамске, Чердыни и многих других городах губернии. А вот в Екатеринбурге купеческие жены одевались «почти подобно Калужским», используя кокошники и ситцевые сарафаны, «очень щегольские и длинные». На головах екатеринбургские купчихи носили фаты и флер, шитые золотом и серебром. Вышивка также присутствовала на рукавах шелковых женских рубашек. Молодые девушки вместо платка носили на волосах вышитые ленты, а в качестве обуви использовали «по большей части сафьянные и также золотом вышитые туфли (тюфни) с высокими большими белыми каблуками». Украшениями служили нити жемчуга, золотые и серебряные цепочки с крестиками, серьги и перстни с камнями (24).

Подобные представления о моде существовали не только в среде уральского купечества. Барон Вигель, очевидец губернаторского бала в Иркутске в 1805 г., также указывал на костюмы местных купчих: «Жены же и дочери купеческие, разряженные по старине, в бархатных и парчовых кофтах и юбках, с шелковыми платками, шитыми серебром и золотом, повязанными на голове, некоторые из них с кружевами и косынками на плечах, бриллиантовыми нитками на шее, такими же серьгами в ушах, перстнями на всех пальцах, сидели неподвижны и как будто поневоле смотрели на богоотступные забавы» (25).

Таким образом, стиль одежды купеческих половин отражал их стремление показать всем свое внешнее благополучие. В Чердыни, по словам Попова, «жен-

ский пол в нарядах своих уподобляется Соликамскому. В сем то наряде единственно видна пышность здешних купцов; жены богатейших отличаются парчовым, штофным и других материй шелковым платьем, на коем желают больше иметь блеску, золота и серебра, украшая шею жемчугом, золотыми и серебряными цепочками, руки перстнями однозолотными или со вставками здешних камней» (26).

В Кунгуре внимание автора привлекла другая черта местных жительниц: «Редкие в здешнем женском поле имеют вредную привычку умащать лицо свое белилами и румянами, — писал Попов, — особливо в купеческом и мещанском звании, почитая сие признаком нескромного поведения» (27). А вот в Екатеринбурге женщины-купчихи, напротив, были «весьма склонны к щегольству» (28). Вообще нужно отметить, что Екатеринбург в первой половине XIX в. был городом вполне европейского типа. По словам побывавшего в 1828 г. в городе немца Г. Эрмана, великолепные «палаты многих здешних купцов не испортили бы иной европейской столицы и внешняя красота жилищ соответствует их внутренности и образу жизни хозяев» (29).

Однако в середине XIX в. Х. Мозель в отношении пермского купечества писал, что одежда «их по большей части остается также неизменной, с давних времен и состоит главным образом из долгополых сюртуков. Только молодое поколение купечества отстает понемногу от старого покроя платья. Жены купеческие и дочери любят пощеголять своими нарядами и носят дорогие платья, бурнусы и шубы, а на голове косынки или платки. Отступление от старины, в отношении головного убора, позволяют себе только некоторые из молодых купеческих жен и особенно дочерей, которые носят обыкновенные дамские шляпы» (30).

По мнению А.А. Белика, «вятское купечество первой половины XIX в. стремилось следовать моде в выборе одежды, что отразилось на особенном интересе к ношению современной дорогой одежды и аксессуаров» (31). Исследователь приводит в своей работе целый ряд высказываний, касающихся внешнего облика купцов Вятской губернии. Если в начале века купцы продолжали носить длинные сюртуки, то в середине 1840-х гг. в моду вошли бекеша, жилеты и пальто. В частности, Д.Н. Мамин-Сибиряк утверждал, что молодые купцы «одевались уже поновому, в пиджаки и сюртуки...» (32).

Аналогичные перемены происходили и в женской купеческой одежде Вятской губернии. В это же время женщины надели «платья последнего покроя: вместо долгих и коротких шуб с борами стали носить салопы, головы убирать повязками приличным образом, а другие, в особенности купчихи, носить шляпки, выписывая их из магазинов» (33). Современник отмечал, что в середине XIX в. «богатые купцы для себя и своих жен стали выписывать из столиц различные дорогие предметы роскоши, о которых лет десять тому назад старики, конечно, не могли и подумать иначе, как о вещах разорительных и ненужных. Молодые купчихи одеваются в самые модные костюмы, необходимой принадлежностью их туалета считаются уже бриллиантовые кольца, брошки, серьги и фермуары; в зимнее время нередко можно видеть на них бархатные платья и бархатные салопы на лучших лисьих мехах» (34).

С другой стороны, в купеческой среде Вятской губернии сохранялись и отвержены традиции, о которых писали: «...все (...) серо, все с бороною, все в лаптях» (35).

Южноуральское же купечество в плане стиля представляло собой совершенно особый, отличный от среднерусского тип городского населения. Близость к Азии придавала местному купечеству неповторимый колорит, яркий и своеобразный. По словам Т.-Ю. Базинера, разные народы «живут здесь часто объединенно под одной крышей». Из европейских народов «кроме русских, здесь можно встретить преимущественно немцев и поляков, даже несколько французов и итальянцев, которые занесены сюда войной 1812 года», а из азиатских «татары — после русских самые многочисленные жители, — киргизы, башкиры, бухарцы и хивинцы, подчас и калмыки» (36). «Различие языков, одежд и обыкновений представляет иногда в сем городе весьма занимательные картины», — писал об Оренбурге П.П. Свиньин (37).

Т.-Ю. Базинер отмечал эту же многонациональность и применительно к различным собраниям оренбургского общества: «Здесь можно было видеть в мирном содружестве самые различные наряды Европы и Азии, великолепные военные формы — от сияющей звездами генеральской до простого, но красивого казачьего мундира; французские фраки и русские кафтаны; бухарцев в своих белых, окантованных золотом тюрбанах и хивинского посланника вместе со свитой в высоких меховых шапках; киргизских султанов и русских священнослужителей; татар и башкир; и рядом с как бы парящими в своих легких газовых платьях женами военных и чиновников — неповоротливые супружеские половины русских купцов в тяжелых шелковых материях и перегруженные разнообразными, более или менее ценными украшениями (выделено нами — *Е.Б.*). Я был очень рад заметить, что здесь не господствует, как в большинстве маленьких городов провинции, тот чванный кастовый дух, то внешнее соблюдение чопорного этикета, которое отнимает все волшебство у приятельского общения» (38).

Купцы различных национальностей и конфессий, совершенно естественно, различались и своими стилями, в том числе манерой одеваться. Так, в описаниях Базинера читаем: «Быстрым шагом спешит мимо гибкий татарин, судя по одежде, не принадлежащий к классу беднейших, под мышкой он несет, завернутые в платок, несколько бухарских тюбетеек, поясов и халатов, взгляд его направлен на офицера, с которым он явно намерен встретиться. Приближаясь, он приветствует офицера с внешним благоговением, поднимая по-европейски свою опушенную мехом шапку, и когда тот с какою-то снисходительною доверчивостью отвечает на приветствие, в истинно азиатской манере обхватывает его правую руку обеими руками» (39).

Купеческая речь также отличалась от речи других городских сословий. По мнению многих авторов, в речи купцов проявлялось особое пристрастие к грубым и русским словам. В подтверждение этих слов можно вспомнить, например, короткие, запоминающиеся формулы, имеющиеся у Н. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

В синем кафтане почтенный лабазник,
Толстый, присядистый, красный как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.
Праздний народ расступается чинно,
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно, ништо... Молодца... Молодца...».

Желая сравняться с образованными людьми, купцы впитывали в себя и иностранную (например, французскую) речь, хотя часто невольно. При этом в старообрядческой среде, по словам современника, «не только наружное, но и внутреннее воспитание приемлются не столь охотно: они вообще не любят иностранных языков...» (40).

Применительно к южноуральским купцам в качестве «иностранной речи» чаще всего выступал татарский язык. В повестях и рассказах Владимира Ивановича Даля, сюжеты которых были навеяны длительными поездками по Оренбургской губернии, часто упоминались поражающие «нового зрителя странность одежды и нарядов» участников этой торговли, «а слушателя — общее употребление татарского языка» (41). «Как в больших европейских городах повсюду слышен язык французский, так в столице Оренбургского края татарский между низшими сословиями не уступает в употребительности своей русскому», — замечал и П.П. Свиньин (42).

«Сопряжение несоединимых стихий в бытовом разговоре — вот еще одна особенность развития разговорной русской речи в городском обиходе...», — писал В.В. Колосов. Купец, по его мнению, «от своих отбил, к чужим не пристал. Сложилась своя особая речь, свои манеры и вид. Любое слово — и чем чуднее, тем лучше — ставится так, чтобы прежде всего выразить свое отношение к людям, к посторонним. Беззастенчиво, по-хозяйски, невзирая на все, что привычно» (43). Например, бывший уфимский купец 2-й гильдии Михаил Петрович Ершов, подавая прошение министру юстиции по поводу уклонения от разбирательства купца Василия Петровича Шишковского, писал о том, что «означенный мой товарищ Шишковский, имея в помрачении совесть справедливости своей, обманул меня по означенным расчетам немалым числом употребляемого мною капитала...» (44). Желая отразить свое негодование, Ершов употребил своеобразное выражение, передающее эмоциональное состояние купца, и в то же время свидетельствующее о его «учености».

Вообще «сопряжение несоединимых стихий», пожалуй, было определяющим моментом в отношении купеческих представлений о моде и стиле. Автор «Панорамы Санкт-Петербурга», изданной в 1834 г., отмечал: «Как убранство жилищ, так приемы и одежда различных лиц одного семейства представляют странные противоположности: нередко отец носит окладистую бороду и длинный русский

кафтан; мать повязывает голову платком, но одевается в немецкое платье, которое для выездов закрывает салопом яркого цвета, или сверх русской телогрейки носит дорожную шаль; дочь к нарядам, шитым по последней парижской моде, прибавляет обыкновенно любимые купеческим сословием украшения, цветы, жемчуг, бриллианты, перья; один из сыновей рядится как лондонский денди и старается перенимать все привычки светской молодежи, тогда как другой, сидя в лавке своей в гостином дворе, встречает покупателя с калачом или стаканом сбитня в руке... Входя в дом, родители крестятся перед иконою и после кланяются обществу; дети, между тем, развязно приветствуют знакомых модным пожатием руки, поцелуями и лепетом на иностранном языке... Конечно, в обращении их заметна некоторая неразвязность, сжатость и неловкость, происходящие от непривычки к тону модного света» (45).

В целом, подводя итог исследованию внешнего облика уральского дореформенного купечества, можно заключить, что главными категориями здесь, скорее всего, являлись понятия «внешнего достоинства», «статусности», «стабильности». Стиль одежды и поведения должен был убеждать потенциальных клиентов, коллег и конкурентов в том, что перед ними человек солидный, серьезный, с которым можно иметь дело. Кроме того, внешняя представительность, в какой-то мере, могла скрыть некоторую неуверенность в собственном общественном статусе.

К тому же то обстоятельство, что большая часть уральского купечества пополнялась крестьянами и мещанами, также предопределяло основные линии развития культуры и быта представителей торгового сословия. Несмотря на материальный достаток, старинный и скромный уклад жизни, схожий с зажиточным крестьянским, сохранялся в купеческой среде. Правда, более или менее крупные деньги требовали время от времени представительности в обстановке, одежде, приемах гостей.

Наиболее ярко достаток купеческой фамилии проявлял себя в одежде купеческих жен и дочерей. Поскольку они являлись как бы «вывеской» купеческого рода, демонстрируемой на всевозможных общественных собраниях, балах, встречах и т.д., и долженствующей опять же показать финансовую стабильность семьи, на их украшение денег не жалелось. Однако, в данном случае, демонстрация собственного богатства брала верх над представлениями о стиле и моде.

В крупных городах, развитых в торговом и промышленном отношении, имеющих достаточное количество населения, принадлежащего к высшим сословиям, наиболее капиталистическое купечество пыталось перенимать отдельные элементы костюма, манеры поведения и стиля жизни аристократии. Однако, учитывая тот факт, что более 80% городов Урала относились к категории «малых» и насчитывали менее 5 тыс. человек жителей, таких купцов было слишком немного, чтобы они могли оказывать какое-то серьезное влияние на общую купеческую культуру. Значительное число «цивилизованных» купцов встречалось, пожалуй, только в Екатеринбурге. Вообще же из трех уральских губерний наиболее активно новые модные тенденции проявляли себя, по-видимому, в губернии Вятской, рас-

положенной ближе к столицам и имеющей налаженные контакты с крупными торговыми центрами. Оренбургские же купцы, в отличие от европеизированных вятских и пермских, были скорее подвержены влиянию азиатских тенденций в стиле и моде. Данное обстоятельство обуславливалось особенностями коммерческих операций южноуральского купечества и придавало ему особый неповторимый колорит.

Социальная и культурная системы, сложившиеся в купеческой среде на Урале в дореформенный период, создали особый тип провинциального купца — приверженца скорее традиций, нежели новаций; ценящего стабильность; стремящегося из всего, даже из собственного внешнего облика, извлечь коммерческую выгоду.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., например: *Балицкий Г.* Купечество // Москва в ее прошлом и настоящем. — М., 1911; *Корни Е.* Быт купечества и мещанства // Государственный исторический музей. Из эпохи крепостного хозяйства XVIII и XIX вв. — М., 1926; *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. — М., 1978; *Бойко В.П.* Томское купечество в конце XVIII—XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. — Томск, 1996; *Козлова Н.В.* Некоторые черты личностного образа купца XVIII века (к вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII—XIX вв. Сб. статей. — М., 1996. — С. 43—57; *Семенова А.В.* Менталитет купечества в период становления российского предпринимательства // Отечественная история. — 1998. — № 6. — С. 21—24; *Брянцев М.В.* Культура русского купечества. Воспитание и образование. — Брянск, 1999; *Нилова О.Е.* Московское купечество конца XVIII — первой четверти XIX в.: социальные аспекты мировосприятия и самосознания. — М., 2002; *Комлева Е.В.* Енисейское купечество (последняя четверть XVIII — первая половина XIX века). — М., 2006; *Перхавко В.Б.* История русского купечества. — М., 2008; и др.
- (2) *Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. — М., 2006.
- (3) См., например: *Белик А.А.* Культура повседневности провинциального купечества конца XVIII — первой половины XIX вв.: Дисс. ... канд. культурологических наук. — Киров, 2005.
- (4) *Османов А.И.* Купеческое предпринимательство в Петербурге на рубеже XVIII—XIX веков (организационное и хозяйственное оформление) // История предпринимательства в России: XIX — начало XX века. Сб. статей / Под ред. А.А. Дмитриева, А.А. Семенова. — СПб., 2006. — Вып. 2. — С. 373.
- (5) *Керов В.В.* Социокультурные факторы формирования деловой культуры старообрядцев (XVIII—XIX века) // История предпринимательства в России: XIX — начало XX века. — Вып. 2. — С. 79.
- (6) *Берлин П.* Буржуазия в русской художественной литературе // Новая жизнь. — СПб., 1913. — № 1. — С. 186.
- (7) *Берлин П.* Указ. соч. — С. 190.
- (8) *Еленский О.* Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. — СПб., 1906. — Т. 127. — № 9. — С. 680.
- (9) Русский костюм 1750—1917: в 5 вып. — М., 1960. — Вып. 1. — С. 23; М., 1961. — Вып. 2. — С. 25.

- (10) *Кусова И. Г.* Рязанское купечество: Очерки истории XVI — начала XX века. — Рязань, 1996. — С. 85.
- (11) *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. — М., 1977. — С. 170—171.
- (12) Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). — Ф. 6. — Оп. 3. — Д. 7418. — Л. 180 об. — 181.
- (13) Русский костюм 1750—1917... — Вып. 2. — С. 26.
- (14) Цит. по: *Перхавко В.Б.* Указ. соч. — С. 375—376.
- (15) *Вистенгоф П.* Купцы // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века. — М., 1986. — С. 105—106.
- (16) Москва в ее прошлом и настоящем. — М., 1911. — С. 24.
- (17) Цит. по ст.: *Корш Е.* Указ. соч. — С. 31.
- (18) *Авдеева Е.А.* Записки о старом и новом быте. — СПб., 1842. — С. 57.
- (19) *Островский А.Н.* Вся жизнь театру. — М., 1989. — С. 194—195.
- (20) *Мерцалова М.Н.* От «Домостроя» до «Переписки моды» // Наше наследие. — 1989. — № III. — С. 56—57.
- (21) *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию С-Петербургского Вольного Экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в Перми. — Пермь, 1813. — С. 87.
- (22) *Попов Н.С.* Указ. соч. — С. 93—94.
- (23) *Попов Н.С.* Указ. соч. — С. 94.
- (24) *Попов Н.С.* Указ. соч. — С. 95—96.
- (25) Цит. по ст.: *Корш Е.* Указ. соч. — С. 27.
- (26) *Попов Н.С.* Указ. соч. — С. 193.
- (27) *Попов Н.С.* Указ. соч. — С. 221.
- (28) *Попов Н.С.* Указ. соч. — С. 266.
- (29) Цит. по: *Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* — Указ. соч. — С. 133.
- (30) *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. — СПб., 1864. — С. 528.
- (31) *Белик А.А.* Указ. соч. — С. 32.
- (32) *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Хлеб. — М., 1984. — С. 53.
- (33) *Зорин А.Н.* Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. — Ульяновск, 2000. — С. 60—61.
- (34) *Глушков И.Е.* Котельнич. XIX век. Топографо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича. Исторический очерк. — Котельнич, 1999. — С. 61.
- (35) *Алфеевский Я.* Алексеевская ярмарка // Вятские губернские ведомости. — 1845. — № 14.
- (36) Цит. по: *Дорофеев В.В.* Над Уралом-рекой. — Челябинск, 1988. — С. 136.
- (37) *Свиньин П.П.* Картина Оренбурга и его окрестностей // Отечественные записки. — 1828. — Ч. 35. — № 99. — С. 28.
- (38) Цит. по ст.: *Дорофеев В.В.* Что видел доктор философии // Комсомольское племя. — 1982. — 21 декабря.
- (39) Цит. по: *Дорофеев В.В.* Над Уралом-рекой. — Челябинск, 1988. — С. 137.
- (40) Цит. по: *Перхавко В.Б.* Указ. соч. — С. 374.
- (41) *Даль В.И.* Бикей и Мауляна // Даль В.И. Повести и рассказы. — Уфа, 1981. — С. 86.
- (42) *Свиньин П.П.* Указ. соч. — С. 28.
- (43) *Колесов В.В.* Язык города. — М., 1991. — С. 80, 81.
- (44) ГАОО. — Ф. 6. — Оп. 2. — Д. 1284. — Л. 1.
- (45) Цит. по ст.: *Корш Е.* Указ. соч. — С. 31—32.

**«THE MERCHANT STYLE»
(THE VIEWS ABOUT THE FASHION IN THE ENVIRONMENT
OF THE URAL MERCHANT CLASS IN THE FIRST HALF
OF XIX CENTURY)**

E.V. Bannikova

Orenburg State Pedagogical University
Sovetskaya Str., 19, Orenburg, Russia, 460844

The article is devoted to the analysis of external shape of merchants of three Urals Mountains provinces — Votka, Perm and Orenburg, during the prereform period. The author has investigated the parity of traditional views about a fashion and new trends in a daily merchant life on the basis of various groups of sources. The role of a suit in formation of social shape of the Ural merchant class is found out too.